

А.Ю. Ермолов

**Роль Восточной Европы в становлении мировой экономической системы
(XVI–XVIII вв.)¹**

Одним из наиболее острых и неоднозначных вопросов для современной экономической истории был и остается вопрос о том, «как Запад стал Западом». Или же, если формулировать этот вопрос в рамках мир-системного подхода, как получилось, что в процессе формирования мировой экономической системы центральное положение в ней заняла Западная Европа. В моем докладе я хочу предложить вашему вниманию гипотезу, согласно которой критическое значение для этого успеха имели торговые отношения с Восточной Европой.

Уже само название статьи говорит о том, что проблема будет рассматриваться с точки зрения мир-системного анализа. Эта концепция, разработанная такими выдающимися людьми, как Фернан Бродель², Иммануил Валлерстайн³, Джованни Арриги⁴. Суть этого подхода в том, что в качестве объекта исследования рассматривается не отдельное человеческое общество (история России, история Франции и т. д.), а система человеческих обществ, соединенная экономическими связями. Высшей формой таких систем является мировая экономическая система, изучение которой представляет наибольший интерес. Поскольку эти связи должны быть достаточно тесными, то очевидно, что мировая экономическая система может возникнуть лишь на относительно позднем историческом этапе. Большинство сторонников мир-системного подхода считают, что формирование мировой экономической системы произошло в XVI веке, хотя есть альтернативные точки зрения, отодвигающие её возникновение на значительно более ранний срок (А.Г. Франк — 5 тысяч лет назад⁵, А.В. Коротаев — 11 тысяч лет назад⁶).

Все исследователи рассматривают мир-систему как иерархическую, чьи элементы не равны между собой, а польза и вред от её функционирования распределяются между ними асимметрично. Поэтому крайне важно, кто находится в наиболее выгодном, центральном положении в рамках мировой экономической системы, а кто — в периферийном или полупериферийном.

¹ © А.Ю. Ермолов, 2018 г.

² Бродель Ф., Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993.

³ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006.

⁴ Арриги Д. Долгий XX век: деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006.

⁵ Barry Frank A.G., Gills B.K. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? London, New York: Routledge, 1993.

⁶ Коротаев А.В. Законы истории. Математическое моделирование развития мир-системы. Демография, экономика, культура. М.: КомКнига, 2005.

Заняв центральное положение в мировой экономической системе, страны Западной Европы получили возможность извлекать наибольшую выгоду из её существования. Но почему это произошло? Обычно этот процесс видится в общих чертах так. Началось все с открытия Америки и проникновения европейцев в Индийский океан. Затем благодаря колониальным захватам европейцы получили огромный объем драгоценных металлов из Нового Света, который позволил им ещё глубже проникнуть на азиатские рынки и в конечном счете подчинить их себе. На более низком детальном уровне разные исследователи могут расходиться во мнениях о механизмах этого процесса и причинах успеха Запада.

Восточная Европа в описаниях этого процесса оказывается на втором плане. При этом нельзя сказать, что Восточная Европа игнорировалась исследователями, практиковавшими мир-системный подход. Особенно много внимания ей уделял Иммануил Валлерстайн, который в своем многотомнике «Мир-система модерна» постоянно обращается к восточноевропейским сюжетам⁷. Но эти сюжеты — просто часть выстраивания общего ряда мировых периферийных и полупериферийных регионов. В трудах большинства других исследователей внимание Восточной Европе уделяется меньше, и она либо становится второстепенным фоном для рассказа о главных событиях, которые происходят на сценах Атлантики и Индийского Океана, либо вообще пропадает из рассмотрения. Возможно, часть вины за это следует возложить на теорию зависимого развития, которая предшествовала мир-системному анализу (Р. Пребиш, Х. Зингер) и оказала на его формирование огромное влияние. Теория зависимого развития формировалась на латиноамериканской почве, развивалась дальше на материале так называемых «развивающихся стран» второй половины XX века. Т.е. изначально она концентрировалась на проблемах Латинской Америки, Африки, постколониальной Азии. Мир-системный анализ можно рассматривать как дальнейшее развитие этой системы взглядов в глубину истории, и в силу этого он унаследовал определенную расстановку акцентов важности. Поэтому изначально внимание концентрировалось на истории Вост и Ост-Индии, а не на Восточной Европе.

Отдельно следует отметить творчество российского последователя мир-системного анализа Б.Ю. Кагарлицкого. В своей книге «Периферийная империя» он применил его к истории России, получив неоднозначные результаты⁸. Но все же его работа концентрирует внимание на влиянии мировой экономической системы на Россию, а не на обратном процессе.

⁷ Валлерстайн И. Мир-система модерна I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейской мир-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015; Он же. Мир-система модерна II. Меркантилизм и консолидация европейского мир-экономики, 1600-1750. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016; Он же. Мир-система модерна III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730-1840-е годы. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016 ; Он же. Мир-система модерна IV. Триумф центристского либерализма, 1789-1914. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

⁸ Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Алгоритм, 2004.

Примерно то же можно сказать и о польском исследователе М. Маловисте, который отмечал в своих трудах важность польского зерна для Западной Европы, но вместо развития этого тезиса сосредоточился на социально-экономических последствиях экспорта для Польши и России⁹.

С моей точки зрения, сложившийся в рамках мир-системного анализа подход к истории Восточной Европы крайне недооценивает её роль в складывании мировой экономической системы. Чтобы преодолеть это искажение, необходимо привлечение новых методик, новых оптических инструментов, позволяющих пересмотреть уже установившиеся взгляды. С этой точки зрения интерес представляет концепция «баллов социального развития» Иэна Морриса¹⁰. Это интегральный показатель, отражающий уровень развития цивилизации. Иэн Моррис учитывал в нем потребляемую энергию, уровень урбанизации, скорость и объем обработки информации, способность вести войну. В нашем случае принципиально важны не конкретные цифровые показатели (как считает сам Моррис), а предлагаемая ценностная система, с помощью которой можно пересмотреть значение тех или иных экономических связей между регионами.

Кроме того, в качестве дополнительного инструмента, меняющего наше восприятие проблемы, внимание заслуживает теория неомальтузианских циклов, предложенная П.В. Турчиным и С. А. Нефедовым¹¹. Эта теория предполагает, что социумы проходят через несколько повторяющихся циклов, связанных с демографическими колебаниями. Сначала происходит активный рост численности населения, который затем упирается в экологические ограничения биосферы. Начинается период демографического сжатия, темпы роста населения снижаются, цена на продовольствие растет, на рабочую силу — падает. Кончается все политической, экономической и демографической катастрофой, после которой численность населения падает значительно ниже вышеупомянутых ограничений, и демографический рост возобновляется.

Нижняя граница хронологических рамок рассматриваемого нами явления — XVI век, начало формирования мировой экономической системы. В это время приток благородных металлов из Америки привел к росту торговли между Восточной и Западной Европой и придал этой торговле специфический характер. Там, где эта торговля развилась особенно сильно, сформировалась особая зона мировой экономической системы, которая затем продолжила расширяться, охватывая соседние регионы. Верхней временной границей можно рассматривать вторую половину XIX века, когда мировая экономическая система уже сложилась, распространившись на все значимые регионы планеты,

⁹ Malowitz M. *Western Europe, Eastern Europe and World Development, 13 – 18 Centuries*. Leiden, Boston: Brill Academic Publishers. 2010. p. 143-160.

¹⁰ Моррис И. *Почему властвует Запад... По крайней мере, пока ещё. Закономерности истории, и что они сообщают нам о будущем*. М.: Карьера Пресс, 2016.

¹¹ Нефёдов С. А. Неомальтузианство в современной методологии истории // *Вестник Российской академии наук*. 2012. № 12.

а Восточноевропейская зона окончательно утратила свою уникальную роль в ней. Она стала просто такой же частью периферии, как и остальные (с поправкой на несколько больший уровень развития). При этом, разумеется, сохранились значимые общие тенденции в социальной, политической и экономической сферах, предопределившие сохранение общей исторической судьбы региона.

Понятие Восточная Европа в данной статье имеет достаточно условную привязку к одноименному географическому региону. Ключевую роль для отнесения того или иного региона к Восточноевропейской зоне мировой экономической системы играют не условные географические границы, а то, соответствует ли его роль той специфической роли, которая была присуща этой зоне. Восточноевропейская зона в рассматриваемый период времени никогда не закрывала собой всю территорию этого региона, и, в то же время, в состав восточноевропейской зоны мировой экономической системы попадали территории, выходящие за географические пределы Восточной Европы. Эти регионы-исключения, впрочем, примыкали к Восточной Европе, а Восточноевропейская зона от их включения не теряла своей целостности. В конце концов, с точки зрения логистики мировой торговли не так уж велика разница между западным и восточным побережьем Балтийского моря или северным и южным побережьем Черного моря.

На начальном этапе своего существования, в XVI веке, восточноевропейская зона была в первую очередь зоной Балтийской торговли. В неё входили Польша, Швеция, Ливонский Орден, Пруссия, Дания. Но даже на самом раннем этапе восточноевропейская зона не ограничивалась Балтикой, так как схожие черты наблюдались и южнее, в зоне Дунайской торговли, в первую очередь в Венгрии, в том числе в так называемых «северных комитатах», то есть территории нынешней Словакии, а также Молдавия и Валахия. В дальнейшем восточноевропейская зона географически расширилась. В начале XVIII века в неё была вовлечена Российская империя до Урала включительно. В середине XVIII века в её состав включаются Балканы и Анатолия. В конце XVIII века освоение Северного Причерноморья Россией приводит к тому, что этот регион также попадает в Восточноевропейскую зону мировой экономики. В то же время Чехия, Саксония, Силезия, видимо, не относились в рассматриваемый период к Восточноевропейской зоне и даже частично играли по отношению к ней роль центра (то есть источника промышленных товаров и сложных услуг). И, разумеется, на территории Восточной Европы к концу рассматриваемого периода ещё оставались анклавные, недостаточно вовлеченные в мировую экономическую систему, чтобы отнести их к Восточноевропейской зоне. В целом можно сказать, что Восточноевропейская зона — это торговые зоны Балтийского и Черного морей.

Хорошо известно, что морская торговля на Балтийском море велась ещё со времен эпохи викингов. Но с точки зрения формирования мировой экономической системы эта часть предыстории не имеет значения. Первым важным с этой точки зрения событием стало отделение нидерландских городов

от Ганзы и начало их борьбы за торговое влияние на Балтике. Главным оружием этой борьбы была *Clupea harengus*, известная также как атлантическая сельдь. В XV веке у голландцев появляются корабли нового типа — харенгбейсы (*Haringbuis*, в русскоязычной литературе чаще просто буссы), быстрые, маневренные и вместительные. Эти корабли не только ловили рыбу, но и осуществляли её переработку (при этом использовалось разделение труда по конвейерному типу). Уже готовая к продаже соленая рыба забиралась с харенгбейсов специальными кораблями — вентьягерами, и за счет этого харенгбейсы могли продолжать непрерывно ловить рыбу до двух месяцев. В XVII веке в распоряжении Голландии, по некоторым оценкам, находилось 1 - 2 тысячи рыболовных кораблей, которые давали ей примерно 25 тысяч ластов (около 70 тысяч тонн) сельди в год¹². Благодаря эффективной организации производства голландская сельдь в начале XVI века проложила себе дорогу на Балтику. В обратную сторону голландские купцы повезли из балтийских портов зерно. Так были заложены основы голландского торгового господства на Балтике, которое, в свою очередь, стало краеугольным камнем будущей голландской торговой империи. В Голландии эту торговлю называли *moedernegotie*, материнской торговлей (термин, видимо, впервые использован Великим Пенсинарием Яном Де Виттом¹³).

Вслед за голландской сельдью на Балтике появился другой ключевой экспортный товар — американское серебро. Освоение Нового Света привело к началу разработки серебряных месторождений, масштабы производства которых (годовое производство серебра выросло с 4,5 до 300 тонн) вызвали в свою очередь «революцию цен». Благодаря тому, что Нидерланды были составной частью империи Карла V, американское серебро попадало в руки голландских купцов. Это преимущественное положение сохранилось и после Нидерландской революции, поскольку продолжали действовать прежние каналы финансовых операций. Дальше через Голландию это серебро попадало в различные регионы мира, от Юго-Восточной Азии до Восточной Европы, где готовность голландцев предложить крупные партии серебра стало вторым столпом их торгового влияния.

Зерно было не единственным сельскохозяйственным товаром, поступавшим с Балтики на Запад. В Дании широко распространяется ориентированное на экспорт скотоводство. И, как уже было отмечено, уже тогда взаимодействие по восточноевропейской модели не ограничивалось Балтикой. Поставщиками дешевого скота для Западной Европы становятся Венгрия, Валахия и Молдавия. Северные районы Венгрии (нынешняя Словакия) дают в XVI веке большую часть европейской добычи меди¹⁴, стратегически важного

¹² The Cambridge Economic history, vol. 5. The Economic Organization of Early Modern Europe, Cambridge: Cambridge University Press, 2008. p. 149

¹³ Milja van Tielhof, The 'Mother of All Trades': The Baltic Grain Trade in Amsterdam from the Late Sixteenth to the Early Nineteenth Century. Leiden: Brill Academic Publishers, 2002.

¹⁴ The Cambridge Economic history, vol. 5. The Economic Organization of Early Modern Europe, Cambridge: Cambridge University Press, 2008. p. 242

металла, позволявшего производить бронзовую артиллерию.

Что касается России, то в этот период её торговлю через Архангельск следует рассматривать в первую очередь как экспорт экзотических предметов роскоши, что не позволяет её в этот момент отнести к торговой зоне Восточной Европы. Главными экспортными товарами России в XVII веке были меха и кожа. Отдельные статьи экспорта, такие как пеньковые веревки и поташ, можно отнести к восточноевропейской модели торговли, но не они определяли лицо русской торговли в тот период.

В XVII веке в торговле на Балтике приобретает особое значение железо. Его ключевым производителем становится Швеция. Расцвет шведской металлургии объясняется удивительно высоким качеством шведской руды. Хотя её добыча велась с древних времен, полноценная металлургия железа возникла в Швеции благодаря голландской помощи. Ключевой фигурой стал Луи де Геер, голландский банкир из семьи льежских протестантов. Он предоставил шведскому королю Густаву Адольфу крупный заем, а в качестве платы получил в управление железодельный завод. Переехав в Швецию, он продолжил вкладывать средства в местную металлургию, построил несколько новых заводов, где использовал более современные методы производства (Льеж был одним из передовых центров металлургии того времени).

Одновременно с Луи де Геером похожие задачи решал в России голландский купец Андрей Денисович (Andries Dionyszoon) Виниус. Основанные им в Туле железодельные и оружейные заводы тоже были передовыми по своему технологическому уровню, однако в целом он не достиг таких значительных успехов, как его шведский конкурент. Продукции заводов Виниуса не хватает даже для нужд внутреннего рынка России, и шведское железо продолжает доминировать в Балтийской торговле. К концу XVII века заводы Виниуса пришли в упадок. Ситуация меняется только в XVIII веке, когда после Петровских преобразований Россия переживает подъем металлургической промышленности. К концу века русский экспорт железа обгоняет шведский. Любопытно, что в отличие от шведской металлургии, которая поднялась за счет вложений голландского капитала, русская металлургия возникла и развивалась за счет собственных внутренних средств, созданных путем сверхэксплуатации полурабского труда.

В XVIII веке торговля на Балтике постепенно переходит в руки Британии. Голландцы медленно уступают свои позиции. Если в начале века почти половина кораблей, проходивших Зунд, принадлежала Голландии, то во второй половине века доля английских и голландских кораблей сравнялись. Расцвету английской торговли на Балтике способствовали русско-английские торговые договоры 1734 и 1766 годов. Импорт Британии из Балтики и Белого моря возрастает с 1,6 миллиона фунтов в начале века до 3,3 миллионов фунтов в конце века. Экспорт значительно уступает импорту, что говорит о том, что продолжалось насыщение восточноевропейских рынков (в первую очередь русского) драгоценными металлами для денежного обращения. Особенно

важным было то, что Англия в середине XVIII века переходит от экспорта зерна к импорту, и везет его из Восточной Европы напрямую, минуя Амстердам. Роль же последнего как перевалочного пункта зерноторговли падает.

Наконец, в последней четверти XVIII века ликвидация Крымского ханства и российская колонизация Северного Причерноморья вовлекают во взаимодействие по восточноевропейской модели новые обширные регионы (в том числе и Придунайские княжества). Новый приток зерна на европейские рынки очень удачно сочетался с новым витком урбанизации в Западной Европе и промышленной революции в Англии.

Суть уникальной роли Восточной Европы в истории мировой экономической системы видится в том, что она выступила в критически важный период её формирования источником сырья и полуфабрикатов, обеспечивших превосходство Западной Европы над остальными регионами мира. Кроме того, торговля с Восточной Европой позволила Западу преодолеть экологические ограничения в развитии, пробить потолок, в который ранее упирались на пике своего развития великие цивилизации Европы и Азии¹⁵. Главными проблемами были, с одной стороны, зависимость урбанизации от сельскохозяйственного производства, и древесина как главный источник энергии в промышленной деятельности с другой стороны. В последнем случае только ограниченно помогали альтернативные источники энергии — ветер и водяное колесо. Они выступали скорее как заменители мускульной силы людей и животных, позволяя при меньших ресурсах добиваться большей производительности. Используя приводимые в действие водяными колесами машины, можно было добиться более высокой производительности труда, но от этого потребности в металле только возрастали, а для металла нужен был древесный уголь.

Обходя эти экологические ограничения за счет поставки продовольствия и энергоемких полуфабрикатов из Восточной Европы, Запад совершил промышленную революцию, которая позволила ему перейти на новый уровень развития, на котором эти экологические ограничения уже не играли существенной роли. Соответственно с преодолением этих ограничений Восточная Европа перестала иметь такое стратегическое значение, а ряд экспортноориентированных отраслей её экономики в XIX веке пережил полосу упадка.

С точки зрения роли в мировой экономической системе Восточную Европу можно считать её периферийной зоной. Но спецификой Восточной Европы было то, что политически она, в отличие от других периферийных регионов, всегда сохраняла свою независимость. Тем самым ей удавалось избежать прямого военного грабежа Запада и установления административной системы эксплуатации. Экономическое взаимодействие Восточной и Западной Европы осуществлялось через формально равноправную торговлю, а восточноевропейские государства имели возможность защищать своё

¹⁵ Моррис И. Почему властвует Запад... По крайней мере, пока ещё. Закономерности истории, и что они сообщают нам о будущем. с. 279-287.

экономическое развитие с помощью политики протекционизма. На первый взгляд, независимость восточноевропейских держав опиралась в первую очередь на военную силу. Но в действительности сама возможность создавать такую военную силу опиралась на экономическую и культурную базу, которая, в свою очередь, произрастала из торговли с Западной Европой. Модернизаторские реформы в Восточной Европе были куда успешнее, чем где-либо ещё, в том числе потому, что проникновение мировой экономической системы порождало в ней усложнение производительной экономики, а не только усиление потребительства. Разумеется, это не позволило Восточной Европе воспроизвести успех Западной, и к концу рассматриваемого периода отставание начало сказываться на её военной силе. Мерилом этого упадка может служить Крымская война. Это было безусловное поражение России, если мы будем судить о ней как о европейской державе, но если мы отнесем Россию к периферийным государствам и сравним Крымскую войну с Опиумными войнами, то очевидно, что Российская империя показала значительно более высокую способность к самозащите и в силу этого сохранила свое право на суверенитет.

Разумеется, при этом торговый обмен между Восточной Европой и Западом не всегда был эквивалентным. Торговля восточноевропейскими товарами находилась в руках Запада. В самой Восточной Европе не сложился достаточно сильный торговый капитал, способный перехватить контроль над товарными потоками и перераспределить прибыль от торговли в свою пользу. Местный торговый капитал с этой точки зрения был способен только на то, чтобы работать в интересах торгового капитала Запада, выступая посредником между ним и внутренними рынками региона. С этим связана и слабость торгового флота восточноевропейских держав. Единственным исключением стала Швеция, последовательно проводившая политику поддержки собственного торгового флота. Возможно, этим объясняется то, что исторические пути Швеции и Восточной Европы разошлись.

Цена контроля над логистикой была огромна. В качестве примера можно привести торговлю русским железом в конце XVIII века. В 1720 году в Петербурге цена за пуд железа составляла 45 копеек, в Лондоне — 89 копеек. В 1766 году цена составляла уже 72 копейки в Петербурге и 1 рубль 81 копейку в Лондоне, а в 1798 - 1 рубль 16 копеек и 2 рубля 90 копеек¹⁶. Таким образом, Петербургская цена составляла сначала только 50%, а затем вообще лишь 40% от Лондонской. Соответственно 60% денег, которые потребитель платил за русское железо в Лондоне, шло английским судовладельцам, торговцам и казне (последняя облагала русское железо довольно высокими ввозными пошлинами, протекционизм использовался как экономическое оружие не только странами со слабой экономикой). Исходя из этих цифр, можно оценить выигрыш (маржу) Англии от торговли русским железом на своем внутреннем рынке в 100 тысяч

¹⁶ Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т.1. М.: Издательство академии наук СССР, 1954. с. 223.

фунтов стерлингов в год в середине и 300 тысяч фунтов стерлингов в год в конце 18 века.

Тем не менее, главный выигрыш от торгового взаимодействия с Восточной Европой был значительно шире, чем доходы купцов и судовладельцев. Главным было то, что Восточная Европа дала Западной крайне необходимые ей товары.

Как уже было указано выше, начало было положено зерновой торговлей на Балтике. В XVI веке она уже достигла значительных масштабов. Главным центром зерноторговли был Данциг. Его положение в устье Вислы делало его пунктом перегрузки на морские корабли зерна, доставленного из бассейна Вислы. Кроме Данцига зерно в больших объемах продавалось в Штеттене (бассейн Одера) и Риге (бассейн Западной Двины). Вопрос об объемах торговли зерном в XVI-XVIII веках не имеет однозначного ответа. С одной стороны, имеются подробные записи датских таможенников, собиравших зундские пошлины. Их цифры дают нам в среднем 60 тысяч ластов¹⁷ зерна в год в конце 16 века. В начале XVII века были изменены правила досмотра, после чего в 1618 году был зафиксирован провоз через Зундский пролив 121 тысячи ластов зерна (рост в три раза). В дальнейшем записи о сборе пошлин показывают значительные колебания объемов торговли, как в краткосрочной, так и долгосрочной динамике, хотя рост в три раза в течение года остался уникальным примером. Это позволяет предположить, что рост 1614 года действительно был обусловлен большей тщательностью работы таможни. Соответственно, данные конца XVI – начала XVII века можно пересмотреть в сторону увеличения в 2-3 раза, и оценить их предположительно в 100-150 тысяч ластов. В то же время нельзя утверждать, что цифры датских таможенников после 1618 года точно отражают объемы зерноторговли. Дело в том, что голландские купцы продолжали использовать все возможные способы уклонения от сбора зундской пошлины, и даже вносили в конструкцию кораблей особенности, позволяющие вводить в заблуждение таможенников относительно реальных объемов перевозимых грузов. В связи с этим имеет смысл вспомнить о заявлении голландских дипломатов в Москве, утверждавших, что их страна вывозит из Балтики 200 тысяч ластов зерна в год. Возможно, это была не попытка ввести в заблуждение потенциального торгового партнера, а максимально точная оценка легального и контрабандного провоза зерна.

По данным М. ван Тиельхоф, голландский экспорт зерна в конце XVII века обеспечивал пищей 600-800 тысяч жителей Голландии¹⁸. Если же, ориентируясь на те же нормы, взять за основу экспорт начала XVII века, то Восточная Европа кормила зерном 1,5-2 миллиона жителей западной. Для понимания масштаба этой цифры укажем, что население Голландской

¹⁷ Мера веса, примерно равная двум тоннам.

¹⁸ Milja van Tielhof, The 'Mother of All Trades': The Baltic Grain Trade in Amsterdam from the Late Sixteenth to the Early Nineteenth Century. p. 83.

республики в XVII веке составляло 2 миллиона человек. Т.е. голландцы при необходимости могли бы прокормиться только зерном из Восточной Европы. Разумеется, такой необходимости у них не было, поэтому они активно занимались реэкспортом восточноевропейского зерна в Средиземноморье. И подобно тому, как голландская «материнская торговля» на Балтике была основана на сельди и серебре, их торговля на Средиземном море опиралась на зерно.

Важно отметить также, что поставки зерна из Восточной Европы привели к росту в первую очередь городского населения, способствовали повышению уровня урбанизации. Возвращаясь к упомянутой цифре в 2 миллиона человек, следует отметить, что в 16 веке она примерно соответствует общему населению крупных европейских городов (свыше 100 тысяч жителей). Разумеется, некоторые из этих городов (например, Париж), явно кормились не за счет восточноевропейского зерна. Но Антверпен, Амстердам, Брюгге и Лондон без торговли с Восточной Европой не достигли бы своих тогдашних размеров. Возможно, к итальянским городам это относится в меньшей степени, но и они, как было сказано выше, активно закупали у голландцев восточноевропейское зерно.

Интересное влияние восточноевропейский экспорт оказал на развитие сельского хозяйства Западной Европы. В Голландии он послужил толчком к началу аграрной революции (хотя многие историки не согласны с тем, что термин революция используется по отношению к столь затяжному по времени процессу). Избавившись от необходимости выделять значительные объемы посевных площадей под зерно, голландцы начали больше внимания уделять овощеводству, техническим и кормовым культурам. Тем самым возникали условия для применения сложных севооборотов. В сельском хозяйстве начала расти производительность труда. Процесс аграрной революции растянулся до XIX века (а с какой-то точки зрения новая его фаза продолжается и по сей день). Вслед за Голландией он распространился на Британию. Считается, что аграрная революция в Западной Европе способствовала дальнейшей урбанизации (т. е. возникал кумулятивный эффект с ростом урбанизации из-за поставок зерна) и подготовила условия для начала промышленной революции.

Ещё важнее для развития Западной Европы были поставки железа и меди из Швеции и России. Они позволили избежать массовой вырубке лесов и экологической катастрофы. В середине XVIII века в Англию ежегодно ввозилось 30 тысяч тонн железа при собственном производстве в 20 тысяч тонн, а в 1780-е годы — свыше 50 тысяч тонн при собственном производстве в 40 тысяч тонн¹⁹. В это время в английской металлургии уже широко применялся каменный уголь, но качество производившегося таким способом металла ещё не позволяло использовать его для такого же широкого круга целей, как металл, полученный на древесном угле. Хотя английские металлурги выплавляли чугун на каменном угле начиная с 1709 года, им потребовалось полтора столетия

¹⁹ Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т.1. с. 223.

работы над совершенствованием технологии производства, чтобы добиться приемлемого качества и себестоимости²⁰.

Заменить экспорт из России и Швеции английская металлургия на каменном угле до XIX века не могла. Для производства 50 тысяч тонн железа требовалось 200 тысяч тонн древесного угля, или 2 миллиона кубометров древесины. В год для металлургического производства в Англии пришлось бы вырубать дополнительно 10 тысяч гектаров леса. Такими темпами современных английских лесов пригодных для металлургии пород дерева хватило бы на 25 лет. Экологические последствия такой вырубki сложно оценить, и после её завершения английской металлургии пришлось бы сделать столетнюю паузу в производстве.

Восточная Европа предоставила Западной те товары, которые позволили ей преодолеть ограничения в развитии, причем сделала это именно в тот момент, когда развитие Западной Европы вышло на уровень потолка, обусловленного экологическими ограничениями. Можно предположить, что без этой помощи развитие Западной Европы быстро перешло бы в стадию плато, как это было когда-то с Римской империей или Китаем эпохи династии Тан и династии Сун. Неоднозначный и загадочный кризис XVII века, о котором существует так много противоречивых мнений, можно рассматривать как «пробную версию» этой предполагаемой большой стагнации. Спустя некоторое время стадия плато сменилась бы в резким падением по какой-либо случайной причине внутреннего или внешнего характера (которая вполне закономерно проявилась бы рано или поздно). Наступили бы новые «темные века». В конце концов, с точки зрения концепции неомальтузианских циклов, Западная Европа вступила в фазу роста в XIV веке после «Черной смерти», и явно приблизилась к опасной черте фазы сжатия в XVII веке. Но рядом с Западной Европой оказалась Восточная, и на её ресурсах был совершен рывок, позволивший проломить потолок и перейти в фазу ошеломительного роста, после чего восточноевропейские ресурсы потеряли свое эксклюзивное значение. Торгуя с Восточной Европой, Запад стал Западом и смог впрячь в колесницу своего развития весь мир. Европа эпохи Римской империи не имела возможности полноценно использовать восточноевропейский потенциал, так как в то время Восточная Европа была неосвоенным цивилизацией регионом, малонаселенным и не имеющим собственных государств. Запад Нового времени имел дело уже с другой, более развитой Восточной Европой, с собственными государствами и коммерческой инфраструктурой. Такая Восточная Европа была уже пригодна для взаимодействия.

С точки зрения вышеупомянутой концепции «баллов социального развития» И. Морриса значение Восточной Европы для становления мировой экономической системы, пожалуй, будет даже более существенным, чем роль в ней Америки (примечательно, что сам автор концепции этого значения не

²⁰ Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: издательство института Гайдара, 2014. С. 314-333.

увидел и ограничился только тем, что отметил роль России в ликвидации угрозы со стороны Великой Степи²¹). В конце концов, Америка давала серебро и колониальные товары. Ни то, ни другое с точки зрения пробития потолка в развитии не давали непосредственных преимуществ. Их косвенная ценность состояла в том, что их можно было поставлять в другие регионы мира, и получать взамен те товары, которые позволяли продолжить развитие, выходя за пределы экологических ограничений. Железо и медь из России и Швеции, зерно из Польши, Украины, Балкан, русский лен, османский хлопок (как и индийский хлопок, разумеется) — вот что было нужно для рывка. Сахар из Вест-индии и североамериканский табак таких возможностей предоставить не могли. Именно благодаря Восточной Европе Запад стал Западом. Для формирования мировой экономической системы колонизация Америки и развитие восточноевропейской торговли должны рассматриваться как минимум как равновеликие события.

Уникальность экономико-географического положения Западной Европы эпохи Нового времени была в наличии расположенной в ближайшей доступности Восточной Европы, региона, одновременно достаточно развитого, но уступающего экономически и культурно своему западному соседу, обладающему многочисленным населением, но при этом и ещё не использованными экологическими возможностями. Получается, что не совсем точно будет утверждать, что Запад построил себя из материала колоний. Запад построил себя из материалов Восточной Европы, обменяв на них товары, добытые в колониях.

Закономерно возникает вопрос: а получила ли сама Восточная Европа какую-либо долгосрочную выгоду от вышеописанного торгового взаимодействия с Западом? Последствия этих связей невозможно оценить однозначно. Негативные стороны этого взаимодействия очевидны. Это и часто отмечаемая разными авторами связь между включением в мировую экономическую систему и усилением крепостного права, и торможение развития собственной городской цивилизации. В отдельных случаях дело дошло даже до деурбанизации, то есть снижения доли численности городского населения. Но эти бесспорные негативные тенденции были частично компенсированы косвенной выгодой от совершенного Западом рывка. Культурные, научно-технические и даже социально-политические достижения Запада успешно распространялись на его ближайших восточных соседей, которые никогда не смогли бы создать их самостоятельно. В результате Восточная Европа поддерживала довольно высокий уровень развития, позволявший сохранять относительную независимость от Запада и не стать его военной добычей, как произошло со многими другими странами мира. С третьей стороны, так формировался специфический восточноевропейский

²¹ Моррис И. Почему властвует Запад... По крайней мере, пока ещё. Закономерности истории, и что они сообщают нам о будущем. с. 454-458

вариант модели зависимого развития. Эта модель давала большую самостоятельность, чем её латиноамериканский или африканский варианты. Но в то же время она всегда задавала четкое распределение ролей: все достижения шли только с Запада, а на Востоке они только внедрялись, в лучшем случае модифицировались с учетом местной специфики. Эти взаимоотношения глубоко впечатались в восточноевропейскую культуру, которая и по сей день не может избавиться от своего подражательного характера.